

Сервиньи настаивалъ.

— Увѣряю тебя, что это невозможно, совсѣмъ, совсѣмъ невозможно; слышишь, это покажется просто чудовищнымъ. Ты явишься лавочникомъ среди императоровъ. Предоставь мнѣ все дѣло. Еслибы я представилъ тебя, какъ вице-короля Верхняго Миссисипи, такъ и это никого бы не удивило. Когда напускаешь на себя величіе, то чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

— Хорошо. Но я право глупъ, что уговариваю тебя. Общаю тебѣ, что тебя облагородятъ, какъ только что ты переступишь за порогъ дома. Попробуй войти туда безъ титула, который тамъ прицѣпляютъ къ людямъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ даютъ букеты фіалокъ дамамъ при входѣ. Предоставь все дѣло лакеямъ. Они вымуштрованы, вотъ увидишь, я повторю только то имя, которое они прокричатъ.

Они повернули направо, въ улицу Берри, поднялись въ первый этажъ прекраснаго дома и сдали четыремъ ливрейнымъ лакеямъ свои пальто и тросточки. Жаркій воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ, благовонныхъ куреній, и изъ сосѣднихъ комнатъ долеталъ смутный и непрерывный гулъ голосовъ. Слышно было, что тамъ много народа.

Человѣкъ въ родѣ какъ бы церемонійместера, высокій, прямой, пузатый старикъ, съ лицомъ, обрамленнымъ бѣлыми бакенбардами, подошелъ къ прибывшимъ и съ короткимъ и надменнымъ поклономъ, спросилъ:

— Какъ прикажете о васъ доложить?

— Сервиньи, г. Саваль.

Тутъ человѣкъ отворилъ дверь, звучно прокричалъ въ толпу гостей:

— Герцогъ де-Сервиньи.

— Баронъ де-Саваль.

Въ первомъ салонѣ была толпа женщинъ. Прежде всего бросались въ глаза выставки голыхъ плечъ надъ грудью яркихъ матерій.

Хозяйка дома, разговаривавшая стоя съ тремя подругами, обернулась и пошла на-встрѣчу гостямъ съ величественной граціей въ походкѣ и улыбкой на губахъ.

Ея узкій и очень низкій лобъ былъ покрытъ цѣлой гривой густыхъ, какъ шерсть и блестящихъ черныхъ волосъ, набѣгавшихъ на самые виски.

Она была высокаго роста, слишкомъ полна, слишкомъ жирна, перезрѣла, но очень хороша жаркой, мощной красотой. Изъ-